

Ирина Шевченко

Ирина Шевченко

Сказки брут!

Роман

Москва, 2014
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш37

Художник
О. Бабкин

Шевченко И. С.

Ш37 Сказки врут!: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1752-0

Маленькая Настенька твердо знала, что она — потомственная ведьма, носила пирожки домовому Петровичу и верила в сказки. Прошли годы, девочка выросла и поняла: сказки врут. Не встречаются на пути добрые старушки, раздаривающие волшебные яблочки, и, сколько ни целуй жабу, в прекрасного принца она не превратится.

Но в один день все изменилось. Вернулся с того света старый друг, а за ним подтянулись и остальные: охотник на нежить, не очень добрый, но не лишенный обаяния колдун, симпатичная баньши с незаурядными вокальными данными...

Наверное, пришло время снова поверить в чудеса.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1752-0

© Шевченко И. С., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
<http://www.armada.ru>*

Литературно-художественное издание 16+

Ирина Сергеевна Шевченко

СКАЗКИ ВРУТ!

Фантастический роман

Заведующий редакцией
В. Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т. А. Стельмах

Художественный редактор
Л. В. Меркулова

Технический редактор
А. А. Еришова

Корректор
Н. А. Карелина

Компьютерная верстка
Л. С. Федерякиной

Подписано в печать 11.03.14. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз.
Изд. № 7071. Заказ №

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

ГЛАВА 1

Праздник удался!

Псти... Пятсти... Пя-ти-де-ся-ти-ле-тие — о как! — любимого шефа, Ивана Влад... ик... славича...

Вообще-то я не пью. Совсем. Только воду, чай, кофе, кефир... В новогоднюю ночь — бокал шампанского. В течение года из спиртного только настойку пустырника случается употребляю. А сегодня...

Это все девчонки из бухгалтерии: попробуй, какое вино, оно же натуральное — чистый сок... Не помню, чтобы у меня от сока язык заплетался. И ноги. Но вино вкусное, шефу постоянный клиент из Италии пять бутылок привез. Целых пять! Не мог одной обойтись, мне бы тогда не досталось. А теперь вот иду, иду...

Мне от ресторана до дома минут десять пешком. Не такси же было вызывать? А провожать меня после корпоративов давно никто не решается. Первое время пытались. Олег из отдела продаж. Игорь, админ наш. Антон еще, не помню, из какого отдела, рыжий такой. Доведут до квартиры и мнут на пороге: мол, кофейку бы, а то так пить хочется, что переночевать негде. А оно мне надо? В свое время обпилась уже этого кофею... Вот и хожу одна. И что? Почему бы не прогуляться тихой летней ночью?

На первом перекрестке я долго держала светофор. Качался, зараза! Еще чуть-чуть, и совсем упал бы. Хорошо, что я рядом оказалась. Закралась, правда, в голову мысль, что не в светофоре дело... И я об этом долго думала. Потом думала о жизни, о смерти, об устройстве мира... Пока дошла до следующего перекрестка, успела осознать ошибочность утверждения, будто бы земля круглая, и полностью уверова-

ла в правоту древних: она плоская и стоит на трех слонах. А те — на плывущей черепахе.

Черепаха плыла зигзагами и норовила сделать кульбит...

— Не сможешь мне, девонька? — прошамкал кто-то совсем близко.

Испуганно икнув, я огляделась, но никого не увидела. Сок, значит? Хороший сок — уже и слуховые галлюцинации начались.

— Дорогу, говорю, перейти мне надобно...

Галлюцинация требовательно дернула меня за рукав. Я взвизгнула, отскочила и только тогда заметила сторбленную старушку, которую не разглядела с высоты шпилек.

— На ту, на ту сторону! — Бабуля яростно тыкала пальцем в неоновую вывеску на противоположной стороне дороги. — А машины, будь они неладны, туды-сюды, туды-сюды...

— Где? — Я осторожно вытянула шею и оглядела темную улицу в оба конца: даже света фар не заметила.

— Туды-сюды, окаянные! — Божий одуванчик, не слушая ни меня, ни голоса разума, уже повис на моей руке.

Черепаха напомнила о себе плавным покачиванием, и я сама радостно вцепилась в удачно подвернувшуюся бабку.

— И с корзиночкой помоги, молодая, чай, сильная. — Во вторую руку мне сунули тяжеленную корзину. Противовес получился шикарный, и я наконец-то смогла идти ровно.

А идти пришлось долго: старушка едва переставляла ноги, и пока мы дотопали до середины дороги, к перекрестку таки подъехала одна машина.

— И ездют, и ездют, — брюзжала бабуля. — Ночь на дворе, а они разъездились!

Ступив на тротуар, она отпустила мою руку, и корзина тут же потянула меня в противоположную сторону.

— Спасибо, милая. — Старушка отобрала у меня груз. — На вот тебе за это...

Почему-то я ожидала увидеть яблоки. Ну, как в сказке: помогла старушке, и на тебе счастье — яблочки наливные, молодильные, живильные, деньги приваживающие, мужей привораживающие. Но под цветастой тряпкой лежали кабачки. Бабка всучила мне две штуки в обе руки.

— Пожаришь. Или еще чего сделаешь.

Остаток пути я преодолела в обнимку с кабачками, покачиваясь и думая о том, что в жизни нет места сказкам...

— *Девочка, а девочка, ты куда идешь?*

— *К бабушке. Во второй подъезд.*

— *А в корзинке у тебя что?*

— *Пирожки.*

— *Пирожки-и? Ха! Ты прямо как Красная Шапочка! А я Серый.*

— *Волк?*

— *Не, просто Серый. Сережа. В первом подъезде живу.*

— *А я Настя...*

— Настя! Настенька, просыпайся.

Я открыла глаза.

На подушке рядом со мной сидел большой пупырчатый жаб.

— Сейчас я тебя поцелую, и ты превратишься в прекрасного принца, — пообещала я ему.

Жаб выпучил глаза, но моей любвеобильности не противился. Правда, в принца превращаться отказался наотрез.

— Вот где он! — Мама сгрела зацелованного Жорика с постели и положила обратно в аквариум. — Сколько можно издеваться над животным?

— Не виноватая я, он сам пришел, — промычала я, зарываясь в простыни.

— Еще бы не пришел! Ты когда его в последний раз кормила?

Ну вот, сейчас начнут меня воспитывать. Мама же...

— Мама? — Я окончательно проснулась и села. Голова отозвалась на резкий подъем болью. — А что ты тут...

— Зашла вот, — развела руками она. — Почуяло сердце, что страдает кровинушка моя... и в холодильнике мышь повесилась.

— Мышь — это на бульон. А еще у меня кабачки есть. Я их вчера где-то тут на полочку положила...

— На книжную? — Мама кивнула на лежавшие рядом с

томиком Бальмонта цукини. — Тогда неудивительно, что у тебя юбка в морозильнике.

— Я на жвачку села. Ее теперь по-другому не отодрать.

Держась за раскалывающуюся черепушку, я потопала в ванную.

— Давай сниму, — предложила мама.

— Голову?

— Боль, горюшко ты мое!

— Сама.

Или я не ведьма в седьмом поколении? Таблетка анальгина и мятное масло на виски — сейчас отпустит.

— Нельзя нам пить, Настенька. — К тому времени, как я возвратилась в комнату, родительница успела застелить постель и теперь раскладывала по полкам разбросанные на стульях вещи. — Совсем нельзя. Прабабка моя, тезка твоя, Настасья, перебрала как-то на сельской свадьбе, так потом еще месяц коты гавкали, а куры вареными яйцами неслись. Вот она-то и заклjala весь свой род, во избежание, значит. Опасно нам с такой-то силой контроль над собой терять.

— Лучше бы так заклjala, чтобы пили и не пьянели, — пробурчала я, ногой запихивая под кровать грязные джинсы.

— И так неплохо вышло. — Мама двумя пальцами извлекла только что припрятанные брюки на свет божий и швырнула к двери, где уже набралась солидная кучка претендентов на стирку. — Голова поболит, помутит чуток. Зато потом неповадно будет. Я вот тоже как-то попробовала: ликером импортным соблазnilась. Как он шоколадом пах! А после ночь в уборной просидела, и отец твой, покойник, примерещился. Мертвые нам всегда в таком состоянии видятся. Бабушке твоей, царствие ей небесное, поп наш, отец Алексей, после стакана сливовицы приснился: уговаривал от силы отречься, постриг принять, а все имущество отписать детской поликлинике.

— Бред какой!

— Конечно, бред. Батюшка наш при жизни только мамиными травами и спасался. Фронтовик он был, Федор Иванович — так в миру звался, учителем до войны работал. А с осколком у сердца домой вернулся, уверовал после этого...

— А к ведьме ходил, верующий.

— Ведьма, Анастасия, от слова «ведать»! — назидательно изрекла матушка. — Или знахаркой зови. Так лучше? Мама отца Алексея сколько лет выхаживала. Да и сама на все службы в церковь ходила, еще когда гоняли за это и премии могли на фабрике лишить. Так что не стал бы он ее о таких глупостях просить. Но что покойники нам после хмельного снятся — это факт.

— А как же, факт, — усмехнулась я. — Мне вот Сережка приснился Линкевич. Жил тут в соседнем подъезде.

После бабушкиной смерти ее двушка досталась мне, но семья Серого к тому времени переехала в другой район.

— Я и говорю, покойники, — кивнула мама, а потом встревоженно всмотрелась в мое стремительно бледнеющее лицо. — Настенька, ты что, не знала?

Я медленно опустилась на стул. Как же это? Серый? Мой Серый?

— Тетка Марья со второго еще весной рассказывала, весь дом в курсе, — виновато пробормотала мать. — Я тут не живу и то знаю. Ездил он куда-то на заработки, на буровую какую-то. Вахты по полгода. Последний раз поехал и не вернулся. Авария, говорят, большая была.

— Весной еще? — До сих пор не верилось.

— Зимой. В феврале, кажется.

Я Сережку последний раз года два назад видела. Действительно, рассказывал, что на Севере где-то работает. А еще говорил, что бросит это дело — не нравилось так надолго уезжать.

И почему не бросил?

— Ладно, пойду я, — резко засобиравшись мама. — У меня прием через два часа. Женщина одна должна прийти на первичную диагностику. Сергей Семенович — ногу подлечить. И Светка звонила, говорит, сглазил ее опять кто-то.

— Мам, ты же понимаешь, что у тети Светы дистония? Вегетососудистая. Лучше бы она к невропатологу ходила.

— Невропатологу-то, конечно, лучше. А мне — минус клиент. Что я, какую-то дистонию не вылечу? И ты бы пришла, посмотрела. Помогла бы мне, может быть. Ты же тоже...

— Ма, я экономист-технолог. Сглаз не лечу, а порчу только бумагу посредством принтера.

На эту тему уже не раз говорили, к чему повторяться? Да и дела у меня сегодня: вещи, вон, в машинку загрузить, кабачки пожарить, Жорика покормить.

— Воля твоя, Настюша.

Красивая она у меня, любоваться не устаю. Даже в свои пятьдесят три любой молодухе фору даст: высокая, статная, русая коса, как положено, до пояса и в руку толщиной. А глаза голубые-голубые, чистые, как небо после дождя. И так не нравится, когда это небо смурнеет и между бровей пролегает глубокая складочка.

— Не сердись. — Я поцеловала маму в лоб, разглаживая набежавшие морщинки. — Когда-нибудь обязательно зайду.

После маминого визита в холодильнике обнаружили продукты, а из раковины исчезла грязная посуда — это ли не чудеса? Жаль только, последствия пьянства и прапрабабкиного заклятия никуда не делись: голова раскалывалась и вторая таблетка ничего не изменила. Еще и новость, которая для всех давно не новость, о Сережкиной смерти. В последние годы встречались лишь случайно, обменивались телефонами, но так и не созванивались. А ведь Серый — мой лучший друг детства. Да что уж теперь — первая любовь. И надо же, как все вышло.

Загрузив стиралку, я вооружилась лопатой и отправилась за гаражи копать червей для Жорика. Сосед, заядлый рыбак, глядел с уважением, но заговорить не решился.

Вернувшись, взялась за последнее намеченное на сегодня дело — пожарила кабачки. Майонеза мама конечно же не купила (вредный потому что), и пришлось делать заправку по бабушкиному рецепту: уксус, подсолнечное масло и чеснок. Обмакивая золотистые кружочки в соус и укладывая их на тарелку, продолжала думать о Сером...

Думала, думала и придумала. Отправила в рот не поместившийся на тарелке кусочек, вымыла руки и набрала номер Игоря, нашего сисадмина, того самого, что пару раз пытался провожать меня домой. Любопытно, как быстро муж-

чины, убедившись, что им отказывают отнюдь не из кокетства, переквалифицируются в просто друзей.

— Чего тебе, Вербицкая? — недовольно отозвался просто друг. — Суббота, шесть утра, а ты уже названиваешь.

— Какие шесть? Полпервого уже.

— Ой-ё-о! У меня часы стоят! А мне на три на автобус! — В трубке послышалась какая-то возня, потом зажурчала вода... Надеюсь, вода. — Что бы я без тебя делал, Вербицкая!

— Проспал бы свою дачу, шашлыки, водку и очередную девуцу.

— Все-все, я и так понял, насколько тебе обязан. Чем могу служить? Ты ж не только разбудить меня звонила?

— Игорек, мне нужно адрес узнать.

— Айпи или имейл?

— Домашний адрес. Человека одного ищу... Точнее, его родню.

Проще было бы спуститься на этаж ниже и поговорить с тетей Машей: она дружила с матерью Серого и весть о его смерти тоже она принесла, наверняка и адрес знала. Но пришлось бы объяснять, зачем он мне...

— Домашний? — озадачился Игорь.

— Ты же говорил, у тебя в паспортном столе связи, в РОВД и в самой небесной канцелярии.

— Ладно, попробую. Выкладывай все, что знаешь о своем человеке. Завтра-послезавтра будет.

— А сегодня?

— Сегодня у меня дача, шашлыки и девица... если повезет. Но если очень повезет, то и адрес узнаю.

Повезло. Игорь перезвонил через час и продиктовал улицу, номер дома и даже телефон. Но звонить я не стала.

На кладбище я гость нередкий. Отец, дед, бабуля. За могилами присмотр нужен: сорняки выполоть, оградку подкрасить. Ходила, как на работу, к своему стыду давно уже не испытывая должного пиетета. Живыми они были мне самыми родными, близкими и любимыми, но странно было бы испытывать такие же чувства к трем гранитным памятникам. Кто-то счел бы это циничным. Потому ни с кем и не делюсь подобными мыслями. А настоящие памятники им — у меня в сердце. Навсегда. Этим тоже не делюсь.

Но Серый... Страшно было представлять его фотографию, прикрученную к каменной плите. Молодой, красивый парень: темные волосы ежиком, ямочка на подбородке, глаза-угольки. Но до кладбища (и это еще страшнее) — увидеться с его семьей.

Надела голубое платье. К глазам идет, но главное — скромненькое: и вырез неглубокий, и длина приличная. Расчесалась, отстраненно и уже не впервые подумав, не отрастить ли косу, как у мамы. Волосы у меня тоже густые, только с рыжинкой... были бы, если бы не подкрашивала. А так аристократический пепельный оттенок, как у бабушки, но у нее тоже коса была, а у меня — короткая стрижка «быстрый старт», как я ее называю: щеткой пригладила, и готова к свершениям.

— Веди себя хорошо, — наказала я Жорику, покидая квартиру.

Вернусь, и будем с тобой вместе грустить.

— Здравствуйте, Вероника Алексеевна. Вы меня, наверное, не помните. Я Настя, внучка Аллы Викторовны, мы дружили с Сережей...

Остановив лифт между этажами, я репетировала то, что собиралась сказать матери Серого.

— Здравствуйте, Вероника Алексеевна...

А если все-таки Александровна? Я не была уверена, что правильно помнила отчество, — в детстве она была для меня просто тетей Верой.

— Здравствуйте, Вероника Ал... кхе-кхе... вна. Вы меня, наверное, не помните...

Поняв, что от повторений становится только хуже, решительно нажала кнопку седьмого этажа.

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, и я бегло начала, уткнувшись в пол:

— Здравствуйте, я Настя...

Подняла глаза и онемела на несколько секунд.

— Ну здравствуй, Настя.

— Серый! — Очнувшись, я кинулась на шею открывшему мне парню. — Живой!

— Живой-живой... И буду живой, если не задушишь.

Квартира у Линкевичей была трехкомнатная, но все равно тесная. Светка, младшая сестра Серого, успела выйти замуж, родить ребенка и развестись. Жила теперь тут вместе с сынишкой. Человек трех лет от роду умудрялся занимать все три комнаты одновременно, и потому мы устроились на кухне. Разговаривали и пили чай, который заварила тетя Вера, к моему удивлению и стыду оказавшаяся Вероникой Николаевной.

— Муторная история, — поморщился Сергей. — Да, была авария, двое ребят погибли из моей бригады. Меня контузило. Больница, реанимация. Когда в себя пришел, не сразу и узнал, что умник какой-то документы перепутал. И маме передали уже. Даже думать не хочу, чего она натерпелась.

— Ой, Серый, какой же ты... серый...

В мальчишеском ежике осталось не так уж много темных волос, и ранняя седина превратила детское прозвище в реальность.

— Давно вернулся?

— Второй месяц уже.

— А я только сегодня узнала... — Хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Но провалиться можно было только в квартиру на шестом этаже, и вряд ли ее жильцы были бы рады мне и дыре в потолке.

— Да никто не в курсе, наверное, — успокоил меня Сережка. — Мама мало кому рассказать успела: когда я приехал, у нее опять с сердцем плохо стало, почти на месяц слегла, хоть я и звонил заранее, и бумага официальная пришла. Надо ей сказать, чтоб тете Маше позвонила — та по всему городу разнесет... Зато с тобой увиделись.

— Это да, — согласилась я. — Хоть какая-то радость... Ну, в смысле, я рада, что ты жив, и вообще...

— Я тоже рад, Настюха.

Он улыбнулся, и мне подумалось, что для первой, но большей любви десять лет не срок...

— Может, погуляем? — предложил Серый. — А то я, как приехал, в четырех стенах сижу. Так и лето пройдет.

— Давай. А куда пойдем?

— Не знаю. — Он посмотрел на племянника, успевшего

за время разговора обосноваться рядом с нами за столом. — Туда, где народу поменьше.

— Если хочешь, можно ко мне, — сказала я и покраснела. — Ну, это... старый двор посмотришь, голубятню...

Я падшая женщина. Однозначно.

Но я совершенно счастливая падшая женщина.

Казалось, можно лежать так вечно: положив голову на сильное мужское плечо, слушая ровное дыхание...

— Твою ж мать! — Серый вскочил как ошпаренный, и забористый мат несколько нарушил романтичность момента. — Что это за тварь?!

— Это Жорик, — протянула я, не желая прощаться со сладкой негой. — Ты занял его место, и ему это не понравилось.

И как жаб умудряется то и дело выбираться из-под сетки?

Поймав недовольно пучившее глаза земноводное, я привычно чмокнула пупырчатую морду и, закутавшись в простыню, прошлепала к аквариуму:

— Вот и все.

Сергей мягко отстранился, когда я решила его поцеловать и утянуть обратно в постель:

— Насть, после жабы...

— Жорик после тебя не побрезговал, — насупилась я.

— Ты не оставила ему выбора. — Парень потянулся за джинсами.

Вот и «счастливый конец» романтического вечера.

— Может, все-таки погуляем? — напомнил Серый. — Перекусим где-нибудь?

Ага! Значит, еще не вечер... то есть еще не конец!

Я поняла, что детская дружба превратилась во что-то большее, когда мне было около четырнадцати, а Серому уже шестнадцать. Вокруг высокого, красивого парня, завсегда-тая дискотек и набиравших моду качалок, вертелись такие же высокие и красивые девицы, сменяя друг друга едва ли не каждый вечер, а я, тогда еще мелкая, с мальчишеской фигуркой и двумя длинными косичками, наблюдала с бабушкиного балкона, как резко повзрослевший и почти за-

бывший обо мне друг любезничает с очередной пассией. Потом я, конечно, выросла, вытянулась, округлилась в нужных местах. На смену косичкам пришла модная стрижка, но замены Серому в моем сердце так и не нашлось. То, что последние несколько лет мы практически не виделись, только усугубляло ситуацию: он навсегда остался для меня *тем* парнем, объектом несбыточных мечтаний и идеалом.

Произошедшее час назад в моей квартире ничего не меняло.

— Насть, ты не думай ничего такого, ладно?

Мы возвращались из кафе: шли по темным улицам, держались за руки и молчали. До этой странной фразы.

— Какого такого?

— Ну... — Он смущенно пожал плечами. — Как-то так вышло, решишь еще, что я по жизни на каждую встречную кидаюсь. А ты мне всегда нравилась, честно. Помнишь, мы на рыбалку ходили с Колькой и Женькой? Ты жаб ловила (тогда еще к ним страсть питала), а я пацанов в сторону отозвал и сказал, чтоб к тебе не лезли, что ты со мной. Только потом, года через три, меня вот так же твоя бабушка отозвала и пообещала самого в жабу превратить, если буду к тебе ходить.

— Бабуля? — не поверила я. — Но почему?

— Не знаю. Говорила, что тебе от меня одни беды будут и нечего, мол... Она же ведьма была. В хорошем смысле, естественно. Но все равно ведьма. Вот я и...

Ох, бабуля-бабуля.

— Завтра зайдешь? — спросила я.

— Да я и сегодня еще не ушел. Или у тебя ровно в десять отбой? Нет? Давай еще где-нибудь посидим или в парк сходим?

— Лучше в парк.

Аттракционы уже не работают, людей почти нет, только редкие парочки, вроде нас, обнимаются под фонарями. Но у нас с Серым здесь свое особенное место... Если он, конечно, помнит.

— А ты помнишь? — улыбнулся он, повторяя мои мысли.

— Еще бы!

Мы бегали сюда с другими ребятами. «Колесо обозрения», «Веселые горки», «Ромашка» — здорово, но все это

стоило денег. А игровая площадка для малышни была совершенно бесплатной. Горки, качели, песочницы. И избушка на курьих ножках. Внутрь вела деревянная лесенка, но это для детсадовцев. А у наших мальчишек считалось высшим пилотажем взобраться на крышу сказочного домика и усесться на коньке. У меня так не получалось. Почти месяц я завидовала молча, а потом так же молча, собрав волю в кулак, ринулась на покорение крыши. Счастью не было предела, когда я не без помощи друзей взгромоздилась на самый верх. Но на крыше приятелям скоро наскучило, и они, попрыгав вниз, умчались то ли на другую площадку, то ли совсем по домам, а я так и сидела, обхватив дрожащими руками вырезанную из дерева конскую голову. Со мной остался только Серый. Звать на помощь взрослых мы побожались, могли ведь и отругать за этот альпинизм, так и сидели до темноты: я наверху, а он внизу.

— *Настька, прыгай. Я тебя поймаю, честно.*

— *А если неймаешь?*

— *Поймаю обязательно.*

— *Боюсь.*

— *А что баба Алла заругает, не боишься?*

Когда на небе появились первые звезды, я решилась. Съехала по покато́й крыше и упала в раскрытые объятия...

Мне было девять, а Сережке одиннадцать. Конечно же он меня не удержал, и мы вместе завалились на землю. Я подвернула ногу, а Серый набил шишку на затылке. И дома нас обоих наказали за гулянье допоздна.

— Господи, тут же от силы два метра! — изумилась я, глядя на покосившийся от времени домик.

— А я тебе еще тогда говорил, что невысоко. Трусиска.

— Трусиска? — Я легонько ударила его кулаком в плечо. — Да я самая смелая из девчонок была! Скажи, кто еще с вами ходил? Танька? Маринка Лебедева?

— У Маринки уже двое детей, — вспомнил вдруг Серый.

— Да? А ты откуда знаешь?

— Видел ее прошлой зимой на встрече одноклассников. Как раз десять лет с выпуска было. А Танька Капустина в Канаде сейчас живет, тоже замужем... Ну, как и Маринка.

— Понятно, что не как я. — Я отвернулась.

— Насть, я не намекал ни на что, — сконфузился Серый. — К слову пришлось. Я вот неженатый, и что? А следующей весной уже тридцать, между прочим.

— Кандидатур подходящих не было?

— Да были вроде. Не сложилось. А у тебя?

— Тебя ждала.

Парень еще больше стушевался, но его избавили от необходимости говорить что-либо в ответ.

— Вот где ты, упырь! — Из кустов на нас надвигалась какая-то тень. — Думал, спрячешься?

В руках у человека была палка с заточенным концом, и он, как копьем, целил ею в Серого.

— Мужик, ты чего? — Сергей задвинул меня себе за спину. — Осторожнее с этой штукой, здесь девушка.

Незнакомец на миг замер.

— Девушка может идти, — кивнул он деловито. — А мы тут с тобой закончим.

Выглянувшая из-за тучки луна тускло отблескивала на лысине маньяка, а его прищуренные глаза горели злобным огнем. Если я и не закричала, то лишь потому, что понимала всю бесполезность такого поступка.

— А если девушка не уйдет, и ее уберешь за компанию, пилигрим? — Позади сумасшедшего с палкой появился еще один человек.

— Тебе что тут надо, темный? — огрызнулся псих не оборачиваясь. — Это моя добыча.

— Кровожадные вы, братья, стали, — усмехнулся темный.

— Жизнь такая, — флегматично отозвался тот, которого назвали пилигримом.

— Может, мы пойдем, а вы тут побеседуете? — предложил Сергей.

— Что вы, что вы, без вас, молодой человек, беседа не будет такой интересной.

Второй мужчина вышел из тени: темные волосы, строгий костюм, даже галстук со старомодным зажимом, блестящим в лунном свете. Бриллианты, что ли?

Господи, о чем я только думаю?!

— Исчезни, темный, — потребовал маньяк с палкой.

— Конечно-конечно. — Тип в костюме приблизился к пилигриму. — Только тут такое дело, слышишь...

Он похлопал психа по плечу, тот оглянулся и встретился с летящим ему в челюсть кулаком. Хрусть, плюх, шмяк. Как пишут в книжках, все произошло в считанные секунды. Или даже в доли секунды.

— Нельзя же так, правда? — раздумчиво поинтересовался у нас спаситель. — С ходу осиновый кол — какой мове-тон! Можно же поговорить для начала.

— Вы кто? — пришел в себя Серый.

— Я? О, простите. Я маг и волшебник. Сейчас покажу вам свою волшебную палочку.

Жестом, не раз виденным мной в кино, он запустил руку под лацкан пиджака и вынул — да, я так и знала! — небольшой пистолет.

— У вашего товарища палочка была посимпатичней, — соглотнул Сережка.

— Каждому свое. — Незнакомец пожал плечами. — И он мне не товарищ. Так что, поговорим? Только не здесь, а то еще воин Света очнется. Давайте вперед, оба.

У входа в парк стоял лимузин.

Порой наши желания сбываются самым неожиданным образом: помню, когда-то я представляла, как привлекательный мужчина в дорогом костюме приедет за мной на такой машине. Домечталась...

— Прошу вас. — Человек с пистолетом галантно открыл дверцу.

Серый влез внутрь, я за ним.

— Простите за неуместный шик. — Наш похититель развалился на сиденье напротив, открыл мини-бар и достал бутылку минералки. — Запланировал свидание: взял в аренду это чудо, хотел произвести впечатление на девушку... А конкуренты тем временем перешли к активным действиям. Пришлось все бросить и лететь сюда. Обидно.

Он дважды стукнул по темному стеклу за своей спиной, и машина тронулась.

Мужчина, не опуская оружия, одной рукой открыл зажатую между коленями бутылку и вдруг резко плеснул водой в

Серого. Тот от неожиданности замер, растерянно хапнул ртом воздуха и медленно выдохнул. Ладонью растер воду по удивленно-испуганному лицу.

— Жаль, — хмыкнул тип с пистолетом. — Это могло бы сэкономить массу времени.

— Что «это»? — осмелилась спросить я.

— Вода, ионизированная серебром. Иными словами — святая вода. Если бы ваш приятель зашипел, покрылся волдырями или вообще испарился, было бы просто замечательно. А так, к моему глубокому сожалению, придется повозиться.

— Почему он должен был зашипеть?!

Еще немного, и у меня будет истерика.

— Выходит, не должен был. — Незнакомец развел руками, и пистолет, будто случайно, оказался направлен на Сергея. — И с упырем наш светоносный друг погорячился.

— Бред какой-то. — Я постаралась взять себя в руки. — Кто вы вообще такие? Светлые, темные...

— Оценили шутку, да?

Черноволосый, смуглый, но при этом голубоглазый мужчина с коротким неровным шрамом, тянувшимся от левого виска к щеке, выглядел лет на сорок—сорок пять, но улыбка превращала его в мальчишку.

— Шутку? — переспросила я, поборов странное желание улыбнуться в ответ.

— Ну, светлые, темные, «Ночной дозор. Всем выйти из сумрака!». Раньше мы звали друг друга иначе, но новые времена диктуют новую моду.

— Вы издеваетесь?! — заговорил возмущенно Сережка. — Или тут где-то скрытая камера? Да я за такие шутки...

— Тихо-тихо, не нервничайте, Сергей Владимирович. Неизвестно, чем это может кончиться в вашем нынешнем состоянии.

— В каком состоянии? — процедил Серый сквозь зубы.

— Как? — наигранно удивился темный. — Вы разве не умерли около пяти месяцев назад?

— Не умер. Меня контузило, а с документами ошибка вышла, — не слишком убедительно промямлил парень. — Потом в больницу попал...

— С пневмонией, — кивнул брюнет. — После взрыва врач констатировал смерть, ваше тело в ожидании вертолета на материк вынесли на лед. Неудивительно, что ваши перепуганные товарищи несколько часов отказывались пускать вас в помещение, когда после суток пребывания холодным трупом вы постучались в окошко. Вот и простудились. Чуть было снова концы не отдали, да?

— Что за чушь? — нервно рассмеялась я. — Да если бы такое произошло, это было бы во всех газетах, а Серого задержали бы журналисты и медики. Тут мужик по пьяни из окна шестого этажа выпал и не убили, так месяц по всем каналам крутили!

— И это крутили бы, — уверил меня мужчина с пистолетом. — Если бы только владелец буровой не постарался замать и эту историю, и саму аварию. Там, где вертятся большие деньги, чудеса ни к чему. А ваш друг, Линкевич Сергей Владимирович, благополучно долечился, получил расчет и немалую компенсацию за физический и моральный ущерб и вернулся в родной город, где два месяца носа из квартиры не показывал. Пока сегодня не поддался зову плоти... То есть сердца. Зову сердца конечно же. Что и дало возможность нашему бритоголовому Ван Хельсингу выйти на охоту.

— Чушь, — упрямо повторила я.

— Разве? — усмехнулся мужчина. — Сергей Владимирович, развеите сомнения. Вы не умирали? Не шли по длинному коридору? Не видели свет в конце?

— Видел... — выдавил Серый.

— Так что ж ты к нему не дошел, дурила? — вышел из образа темный.

Он вынул из кармана пачку «Мальборо», зубами вытащил сигарету, поднял пистолет и нажал на курок. Прикурил от дула.

— Да, зажигалка, — ответил он на мой взгляд. — Я что, виноват, что вы такие доверчивые?

Сереек подался вперед. Не знаю, что он хотел сделать, но темноволосый заметил движение и медленно, как-то даже лениво покачал головой:

— Я не сторонник рукоприкладства, Сергей Владимирович. Но когда нужно, могу применить силу. — Я вспомнила,

как он с одного удара вырубил того лысого. — Если хотите выйти, просто скажите. Машина остановится, мы с вами распрощаемся, и я уверен, уже никогда не встретимся — охотник об этом позаботится.

— А какие у нас альтернативы? — Я уже поняла, что, несмотря на нелепость ситуации, все совершенно серьезно.

— У нас? — Брюнет глубоко затынулся. — То есть вы от участия не отказываетесь, коллега?

— Коллега? — настороженно отстранился от меня Серый.

— В какой-то мере. — Мужчина неопределенно повел рукой с дымящейся сигаретой. — Или вы не знали, что ваша подруга — ведьма?

— Настюха?

— Потомственная, да, — признала я угрюмо.

— И с личной жилплощадью, — добавил темный.

— А это тут при чем?

— При том, что ваша квартира, Анастасия Валерьевна, лучше всего подходит в качестве убежища для вашего недавно почившего — тьфу ты! — недавно воскресшего друга. Мои конкуренты чтят кодекс, в том числе уголовный, а проникновение в жилище ведьмы карается как законом, так и моим ведомством. Так что к вам они не сунутся.

— Точно?

— Нельзя исключить спонтанных проявлений глупости и героизма с их стороны, но, надеюсь, до этого не дойдет. — Темный в последний раз затынулся и затушил сигарету. — Я, конечно, никого не гоню, но через два часа лимузин нужно будет вернуть.

— Хорошо. Едем ко мне.

ГЛАВА 2

Серый с ходу кинулся звонить матери: у нее сердце больное, нервничать нельзя.

— Да, у Насти заночую. В смысле — зачем? Нет, она не такая...

Я прикрыла дверь в кухню, предоставив другу защиту своего доброго имени, и вернулась в комнату к темному. Он

не представился, и я решила, что так и буду его звать — темный.

Мужчина с любопытством изучал книжные полки, а потом остановился у аквариума без воды, зато с камнями и деревяшками.

— Как зовут?

— Настя. Ой... Вы о жабе? Его — Жорик.

— Георгий, значит. Уважаю.

Непонятно было, уважает ли он серых жаб в целом или Георгиев в частности, но уточнять я не стала.

Закончивший разговор Сережка возвратился с кухни и присел рядом на кровати, как и я ожидая продолжения начавшейся в лимузине беседы, а наш странный гость все еще был увлечен книгами. В конце концов мне надоело наблюдать широкую спину в серо-стальном пиджаке в мелкий рубчик, загорелую шею и коротко стриженный затылок, и я напонила о себе деликатным покашливанием.

— Проявите терпение, Анастасия, — произнес мужчина не оборачиваясь. — Я как раз пытаюсь коротко и доступно сформулировать суть проблемы, а вы сбиваете с мысли.

— Начните хоть как-нибудь. Если мы чего-то не поймем, будем задавать вопросы.

— Этого я и боюсь, — вздохнул темный.

Он вернул на полку сборник французской поэзии девятнадцатого века и повернулся к нам:

— Ну-с, во-первых, кто я такой и каков мой интерес в этой истории. Отвечаю коротко: я колдун, ведьмак, маг, волшебник, экстрасенс — нужное подчеркнуть. Работаю на одну серьезную организацию, о которой вам знать не положено. Есть еще одна организация, о которой вы тоже ничего не знали бы, если бы ее сотрудник не подкараулил вас сегодня в парке. Организация, которую представляет этот охотник на вампиров, изначально действовала под патронатом церкви или официальных властей, поэтому они и светлые. Мы, как исторические антагонисты, всегда работавшие только на себя и на тех, кто больше платит, — темные. Меня не смущают подобные определения, поэтому предлагаю в дальнейшем использовать их.

Я открыла рот, и заметивший это мужчина предупреждающе выставил вперед руку:

— Забудьте о тамплиерах, вольных каменщиках и «Коде Да Винчи». Все совсем не так или не совсем так. Обе наши организации преследуют схожие цели: мы, так сказать, контролируем плановые чудеса и пресекаем внеплановые. Случившееся с Сергеем (можно без отчества?) как раз и относится к категории внеплановых чудес. И мы, и наши конкуренты зафиксировали мощный всплеск, отследили место и вычислили объект. Теперь, как я понял по воинственному настрою пилигрима и осинового колу, светлые хотят восстановить статус-кво, то есть вернуть Сергея туда, откуда он каким-то образом выбрался. Кстати, каким именно образом — это уже мой вопрос к вам. Может, не будете ходить вокруг да около и сразу признаетесь?

— Вы забыли рассказать о своих намерениях, — напомнил Серый.

— Ах да, конечно. Ну, я не светлый, равновесие сил и прочая ерунда меня интересует мало. Я также не стану вмешиваться, если имела место сделка с дьяволом или прочее мракобесие. Но поскольку существование дьявола официально так и не было доказано... Да-да, Анастасия, не доказано. Вас это удивляет? Так вот, я практик и не сторонник фантастических теорий. Опыт и интуиция говорят мне, что в данном случае для воскрешения был использован некий предмет, обладающий особой энергетикой. Артефакт, иными словами. Вот этот артефакт я и хочу найти. И если вы, Сергей, мне в этом поможете, я помогу вам уладить проблемы со светлым воинством.

— Потому вы и ждали, чтобы на Серого набросился тот урод с заточенным дрынком? — предположила я. — Могли ведь сразу к нему прийти, раз хотели просто поговорить.

— Анастасия, вы меня раскусили, — шутливо поклонился колдун. — Так мое появление выглядело эффектной, и сразу стало понятно, кто на чьей стороне.

— Ничего не понятно, — пробурчал Сережка. — Может, вы все заодно. Как в кино: плохой полицейский, хороший полицейский. Один, типа, убить хочет, второй спасает. А я,

значит, весь такой благодарный, и артефакт вам на блюдечке, да?

— Зачем такие сложности? — недобро усмехнулся темный. — Пистолет у меня и настоящий есть. Пулю ей в голову, — он кивнул на меня, — чтобы ты понял, что это не шутки. Дуло к твоей башке. Второй раз умирать тебе точно не захочется, и будет мне артефакт, как ты сказал, на блюдечке. А если у тебя еще останутся сомнения, в расход пойдут мама, сестра и племянник. Как тебе такое кино?

Серый сжимал мою руку, его ладонь стала холодной и влажной.

— Это не мои методы, Сергей, — продолжил колдун спокойно. — Но я действительно хотел, чтобы вы столкнулись сначала с моими конкурентами и оценили альтернативу. Ребята они серьезные, а вы, в их представлении, нарушили мировую гармонию. Подобных нарушителей они ой как не любят.

Сложная ситуация. Даже если отмести тот факт, что все это похоже на бред сумасшедшего. Нужно все обдумать, обсудить наедине с Серым, чтоб не вздумал согласиться раньше времени. Тут еще можно поторговаться.

— Я не против помочь, — сказал Сережка, сводя на нет мои планы. — Только я понятия не имею, о какой вещи речь. Честно.

— Честно, — задумчиво повторил темный. — Что ж, такое я тоже предполагал.

— С чего вы вообще взяли, что этот артефакт существует? — поинтересовалась я.

Нет, правда, откуда такая уверенность?

— Вы меня удивляете, Анастасия, — растянул колдун. — Наверное, стоило бы прочесть вам длинную и скучную лекцию на эту тему, но, простите, настроение не то. Поэтому объясню коротко. Дело в том, что энергетика нашей планеты из года в год слабеет. Цирцея, Суламифь, Мерлин, Моргана — все они в прошлом. Таких чародеев больше нет и, думаю, уже не будет. Человек в наше время не способен собрать такое количество силы. А вот отдельные вещи до сих пор хранят в себе огромный заряд. С их помощью и вершатся настоящие чудеса. Но чудеса, как я уже говорил, у нас

строго лимитированы. Поэтому мне и нужно найти артефакт, вернувший вашего друга к жизни. Поверьте, живая вода, молодильные яблоки, неразменные рубли и горшочки, в неограниченном количестве производящие кашу, каким бы благом они вам ни казались, попав не в те руки, способны натворить немалых бед.

— А вам какое дело? — грубо спросил Сережка. — Вы же эти, темные.

— Вот именно, темные. Сеять хаос — это наша и только наша прерогатива. И мы сами будем решать, где сеять, когда и в каких количествах. Ясно?

Серый хотел еще что-то спросить, но в этот момент в дверь позвонили. Мы с другом одновременно вздрогнули и крепче сцепили пальцы.

— Не волнуйтесь, — успокоил колдун. — Это мои вещи. Попросил привезти из гостиницы.

— Вещи? Сюда? — опешила я.

— Хотите, чтобы я ушел и оставил вас самих разбираться со светлыми? — Он поднялся и по-хозяйски направился к двери. На выходе из комнаты задержался. — У них в арсенале не только колья, кстати.

— Верить ему? — спросил Сергей, когда мы остались одни.

Я пожала плечами.

— А я верю. Сам не знаю почему. Он, конечно, недоговаривает, темнит что-то... Так ведь темный же. И не убил пока.

— Не убил пока, — вернулся с большой спортивной сумкой колдун, — и не убью потом. Можете не волноваться на этот счет. Свершившиеся чудеса возврату и обмену не подлежат. Жаль только, у моих конкурентов другой взгляд на подобные вещи.

Он небрежно кинул свою ношу на пол, и в тот же момент в квартире погас свет.

— Это они? — шепотом спросил Серый. — Началось, да?

— Они? — переспросили из темноты. — Светлые вырубали свет? Было бы забавно. Но нет, это у вас на подстанции что-то. В доме есть свечи, сударыня?

— Канделябр на каминной полке, граф, — ляпнула я.

— Что? — Судя по удивлению в голосе, этот тип возомнил, что словесные выкрутасы исключительно его епархия.

— Подсвечник на серванте, говорю.

Не споткнувшись и ничего не опрокинув, словно он мог видеть в кромешной тьме, колдун достал большой семирожковый подсвечник и поставил его на стол. Щелкнул пальцами, и одна из свечей загорелась.

— Сумеете повторить? — предложил он мне с шутливым вызовом.

— Без проблем, — бросила я хмуро. — Или я не ведьма в седьмом поколении?

Взяла с полки лежавшие на такой случай спички и зажгла оставшиеся свечи, удостоившись еще одного странного взгляда.

— На чем мы остановились? — Колдун тряхнул головой, словно хотел выбросить из нее не связанные с разговором мысли. — Кажется, на моих воинственных конкурентах. Так вот, Сергей, можете попробовать побегать от них, спрятаться где-нибудь. Но рано или поздно они все равно вас найдут. Если хотите спокойной жизни, светлые должны сами отозвать охотников. Мое ведомство могло бы с ними договориться, но пока я не предоставлю боссам палочку-оживлялочку, они и пальцем не шевельнут. Бескорыстная помощь не в нашем стиле, вы же понимаете?

— Тогда какого ты нам помогаешь? — Похоже, Серого вконец утомял навязанный гостем учтивый тон.

— Разве я вам помогаю? Я же сказал, что ищу артефакт, очень мощный и ценный. И это вы помогаете мне его искать. Уяснили?

— Уяснили, — нахмурился Сережка. — А если не найдем? Сдашь меня конкурентам?

— Давайте будем надеяться на лучшее, — уклонился от ответа колдун. — На худой конец, ваша подруга может попробовать вступить за вас. Возможно, у нее даже получится — к хорошеньким ведьмам и святоши порой снисходительны.

— Что у меня получится? Как?

— Очень просто. Берете чистый лист бумаги, ручку и пишете: «Я, Вербицкая А. В., потомственная ведьма в седьмом

поколении (я верно запомнил?), путем сложного ритуала вернула к жизни своего любовника, Линкевича С. В. Произведено сие было с помощью веретена давно усопшей прабабки и исключительно в личных целях. Поиграю и положу на место...» То есть обязуюсь упокоить через, скажем, три года. Дата, подпись. К кому идти с этим заявлением, я расскажу.

— Поглумиться решили?

— И не думал. Хорошо попросите, и вам разрешат оставить его себе. А через три года еще раз хорошо попросите. Сошлетесь на большое чувство, покажете свидетельство о браке. Это же не дело разбивать ячейку общества и оставлять ребенка без отца? Хотя с ребенком я, конечно, погорячился.

— Почему же? Я не против. Возраст уже — двадцать семь, да и мама мечтает о внучке.

Даже не знаю, кого мои слова удивили больше: колдуна или Сережку.

— М-да... — протянул колдун. — Есть женщины в русских селеньях. Даже завидую вам, Сергей. Но дело в том, что детей у вас при всем желании не будет. Это, как показывает практика, обязательное условие любого воскрешения. Официально вашего друга, Анастасия, вычеркнули из списков живых, а значит, и потомства он оставить не может. Но с другой стороны, можно развлекаться напропалую и не задумываться о нежелательных последствиях. В этом я тоже ему завидую. Но совсем чуть-чуть.

Ни слова не сказав, Серый вышел в темный коридор и захлопнул за собой дверь. Пламя свечей дернулось, но не погасло.

— Ну и гад же ты, темный, — прошипела я.

— Полноте, Анастасия. Ваш приятель скоро оценит выгоды такого положения. А до возраста, когда начинают всерьез жалеть об отсутствии наследников, может еще и не дожить.

— Гад, — окончательно убедилась я.

Загорелись лампочки, на кухне загудел холодильник. Наслюнив пальцы, мужчина принялся методично, одну за другой, гасить свечи. Сережка не возвращался.

Я нашла его на кухне, где он стоял, склонившись над раковиной и подставив седую голову под струю воды. Молча принесла из ванной полотенце.

— Насть, прости меня...

— За что?

— За все. Права была твоя бабушка, одни проблемы из-за меня.

Темный встретил нас кривой усмешкой.

— Выкладывайте, — потребовал Серый. — Какой у вас план?

— Для начала предлагаю лечь спать, — огорошил он нас. — Утро вечера мудренее. А вам обоим еще нужно осмыслить все, что вы узнали. Завтра поговорим на свежую голову.

Осмыслить. За один день со мной приключилось больше, чем за всю жизнь. Я узнала, что Серый мертв, потом — что он жив, еще попозже — что он жив, но все-таки был мертв. За ним охотились кровожадные светлые, а за стеной сейчас спит на бабулином диване язвительный темный.

Хотя вряд ли спит: сначала я слышала шаги и какие-то шорохи. Потом и вовсе скрипнула дверь, и колдун протопал по коридору на кухню. Хлопнул дверца холодильника, звякнула ложка об тарелку. Проголодался. Я бы не стала в чужом доме хозяйничать, постеснялась бы. Но этому-то стыд неведом. Перекусил по-быстрому, в две минуты уложился, и назад пошел. И снова что-то бормочет.

Стало любопытно, и я, накинув поверх рубашки халатик, выскользнула из спальни. Сережка, которого я перед сном напоила мамиными настойками, даже не шелохнулся.

Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта. Видеть я ничего не видела, кроме боковой стенки стоявшего сразу у входа шкафа, зато отчетливо разбирала слова. Но голос принадлежал совсем не колдуну!

— Благодарствую, ваше благородие, — лебезил кто-то пискляво. — Только стоило ли утруждаться? Я бы и так вышел, свистнули б только, ваше превосходительство. Мы правила знаем. Чтим. Вы бы только позвали, ваше сиятельство...

— Хватит. — А это темный, его насмешливый тон. — Этак ты меня до императорского величества повысишь. Этикет соблюли, теперь можно просто поговорить.

— Можно, — уже без заискивания пропищал незнакомец. — Только сметанки я все же наверну, с вашего позволения.

— Не балует тебя хозяйка?

— Настасья? Ну, как бы... да. Не балует. Но вы не подумайте, девка она неплохая. Хорошая даже. Не пьет, не курит, дом в порядке содержит... когда не ленится. Находит на нее бывает, она и в комнатах приберет, и вкусностей наготовит... А кому оно надо? В доме ж только она, да жаб ее, Жорка. К тому у меня тоже никаких претензий: животное смирное, мух ловит исправно, в тапки не гадит. Вот они тут вдвоем с Настасьей и обитают. Да еще сегодня она мертвеца привела...

— И что скажешь? Как он тебе?

— Покойничек? Ничего так, живенький.

— А вы что скажете, Анастасия? — повысил голос колдун, и у меня сердце в пятки ушло. — Не стыдно подслушивать? То есть, я хотел сказать, не скучно там, в коридоре? А то заходите к нам, посидим, пообщаемся.

Позорно бежать с места преступления я не стала. Да и какое преступление: я у себя дома, между прочим! Запахнула халат, решительно толкнула дверь и тут же замерла с открытым ртом. На ковре, рядом с креслом, в котором развалился темный, сидело странное существо с полметра ростом, серое, мохнатое. В лапках это чудо держало блюдце. На столе стояла принесенная мамой банка сметаны, уже наполовину пустая.

Я закрыла глаза, а когда открыла, диковинное создание уже превратилось в миниатюрного старичка в длинной серой рубаше. На лице, по самые брови заросшем косматой седой бородой, влажно блестели черные глазки.

— Так-то лучше, Настюшка? — спросил старичок ласково.

Я кивнула.

— Вы что, не знакомы? — с недоверием посмотрел на меня колдун. — Не знакомы с хозяином?

— Вообще-то я тут хозяйка! — напомнила ему я.

— Не верит она в меня, — вздохнул дедок.

— Ведьма, не верящая в домового, — возведя очи горе, пожаловался темный люстре. — Куда катится этот мир?

Лохматик скорбно высморкался в рукав:

— Она и в себя не слишком-то верит.

Я снова зажмурилась. Все, стоп. Домового мне только не хватало для завершения этого «чудесного» дня.

— Звать-то тебя как? — услышала я обращенный к дедку вопрос колдуна.

— Вам и-ик... имя сказать? — В тоненьком голоске явственно звучал страх, и я все же открыла глаза, подспудно ожидая, что темный взял домового на прицел своей зажигалки.

Ничего подобного, сидит, как и сидел, скрестив руки на волосатой груди. Я на чудика засмотрелась и не сразу заметила, что темный разделся до пояса, повесив пиджак и рубашку на спинку стула. Здоровый бугай. И на плече какая-то татуировка...

— Не бойся, — непривычно добрым голосом сказал он домовому. — Имени не требую. Скажи, как тебя люди зовут.

— Так это, — оживился дедок, — Петровичем.

— Оригинально, — угрюмо заметила я.

— Традиционно, — назидательно поправил косматый старикан.

— У нас тут одна проблема, Петрович, — доверительно сообщил ему темный. — Надо бы, чтоб ты за квартирой присмотрел.

— Дык я и так того, присматриваю...

— А ты получше присматривай. Мало ли. Вдруг гости какие странные объявятся или еще что.

— Ага, — понимающе мигнули глазки-бусинки. — Приглажу, не извольте беспокоиться.

— Спасибо.

Вот бы он и с людьми был такой же обходительный, как со всякой нечистью. Домовые — это же нечисть? Хотя вроде как добрые духи. Но бывает, душат во сне. Мне девочка одна на работе жаловалась, а я отмахнулась тогда: мол, сказки все это, а ты лучше щитовидку проверь...

— Анастасия, вернитесь в реальность, — окликнул меня колдун.

— Реальность? Что-то не похоже.

Темный поднялся, подошел ко мне.

— Сметану ему отдай, — прошептал одними губами.

— А?

— Сметану отдай, говорю.

— А. Ладно.

Я взяла со стола ополовиненную банку и протянула ее дедку:

— Вот. Это вам. Угощайтесь.

— Спасибо, Настюшка, — едва ли не прослезился он.

И что теперь? Я обернулась к колдуну.

— Не сложно, да? — скривился тот. — Ему же немного надо. Чуть-чуть уважения. Блюдец молока, кусочек колбаски. Неужели это так тяжело? Он же следит за вашей квартирой, заботится о вас.

Естественно, домового уже и след простыл.

— Чего вы на меня орете? — огрызнулась я громким шепотом, вспомнив, что в соседней комнате спит Сережка. — Я понятия не имела, что он тут... водится. Я же его до этого дня в глаза не видела!

— Не верю! А если и так? Вы воздух видите? Нет? Но чем-то же вы дышите!

Колдун перевел дыхание и продолжил уже тише:

— Это же надо, чтоб из всех ведьм в этом городе мне попала самая... самая...

— Какая?

— Да никакая! Самая никакая ведьма. Поздравляю, в этой номинации вы побеждаете с огромным отрывом.

— Да потому что я не ведьма, — вспылила я. — Согласна, не все сказки врут. Убедилась сегодня. Только я к этим вашим сказкам никакого отношения не имею!

И вообще, все это от кабачков! Перевела, блин, старушку через дорогу!

— Знаете, Ася, вам действительно надо поспать.

— Что?

— Вам нужно отдохнуть.

— Нет, вы назвали меня...

— Асей? — сощурился он. — Я так услышал.
— Бабушка меня так звала. — В глазах вдруг защипало. —
Это ее комната. И квартира была ее. И домовой тоже.
— Ложитесь спать. Завтра поговорим.

— *А в корзинке у тебя что?*
— *Пирожки.*
— *Пирожки-и? Ха! Ты прямо как Красная Шапочка! А я Серый.*
— *Волк?*
— *Не, просто Серый. Сережа. Я в первом подъезде живу.*
— *А я Настя.*
— *Пойдешь к нам? Мы там халабуду строим.*
— *Пойду. Только пирожки занесу. Тут для бабушки с вишней и один с творогом — для Петровича...*

Первые секунды после пробуждения я была уверена, что все случившееся вчера — дурной сон. Я лежала в своей комнате, в своей постели, а на соседней подушке вальяжно и так привычно расположился Жорик. Можно было вздохнуть с облегчением... Но я и этого не успела.

— Умный гад!

Серый, чье место успел занять жаб, изучал аквариум.

— Тут сетка в одном месте отходит, — сообщил он, — сразу и не заметно. Он, видно, подпрыгивает, отодвигает и так выбирается. Но ничего, я потом проволокой прикручу.

Я отнесла Жорика на место, а традиционный утренний поцелуй сегодня достался Сережке. Хоть что-то приятное во всей этой истории.

— Ты не сердисься? — Он обнял меня, прижимая к груди.

— За что?

— За то, что я тебя во все это втянул.

— Я сама втянулась.

— Нет, это я виноват. — Серый опустился на кровать и усадил меня рядом. — Понимаешь, я знал обо всем. С самого начала знал. И что умер, и что воскрес. Не рассказывал никому, чтобы за психа не приняли, но знал. И что следят за мной, тоже знал. Чувствовал. Потому и старался особо не высываться, из квартиры от силы раз пять за все два меся-

ца вышел. А вчера... Вчера ты пришла. Такая красивая, такая... — Горячие губы коснулись моего лба, а по коже мороз прошел. — Помнишь, как я ногу сломал? — прошептал, не отстраняясь, Сережка. — Больше месяца дома просидел. А когда стало можно наступать и потом во двор выйти — не ходил, летал! И это всего лишь после болезни. А представь, каково это после смерти. Я не сразу почувствовал, как и с ногой тогда. Но ты пришла, и... Жить захотелось. На всю катушку...

Я понимала. Гладила серые волосы, вдыхала запах кожи — его запах, тонула в темноте глаз. Его желания жить с лихвой хватало на нас двоих, и меня, как и вчера, накрыло с головой.

— Прости. Я не хотел тебя впутывать, Насть. Только не тебя.

— Прорвемся, — пообещала я ему.

Не для того я ждала его столько лет, чтобы найти и потерять в один день.

— А этот, — я кивнула на стену, — еще дрыхнет?

— Нет его.

— Нет? — Я испугалась, что темный бросил нас или вообще сдал конкурентам.

— Сумка на месте. — Сережка успокаивающе погладил меня по плечу. — Шмотки, ноутбук, книжка. Документов никаких.

— Ты рылся в его вещах?!

— И что? Он в моей жизни роется, в душе у меня копошится — ему можно?

В повисшем молчании утешало лишь то, что он по-прежнему не отпускал моей руки.

Так и сидели до тех пор, пока не щелкнул замок входной двери.

— Дорогой, я дома! — прокричал из коридора темный. Заглянул в комнату. — Сергей, не нервничайте, это я не вам. Мобильник в пиджаке забыл, а он у меня действительно дорогой. Кстати, никто не звонил?

Внешне он теперь ничем не напоминал вчерашнего солидного джентльмена. На смену шикарному костюму пришли джинсы и ярко-зеленая безрукавка, волосы спрятались

под бейсболкой, а глаза — за темными стеклами солнцезащитных очков. Осталась только насмешливая полуулыбка и шрам на виске. Да еще татуировка на мускулистом плече, которую я заметила, но не рассмотрела ночью: щит, меч, какие-то буквы.

— Это не знак тайного общества, Ася. Память об армии. Пограничные войска.

— Ася? — подозрительно поглядел на меня Серый, но мне в этой фразе не понравилось отнюдь не обращение.

— Вы и мысли читаете?

— Только если они так явно написаны на вашем лице.

Усмешка колдуна частично развеяла мои страхи. Мало приятного находиться в обществе человека, запросто копающегося в твоей голове.

— Где вы были?

— Ходил за продуктами.

— Спасибо. Но мы вроде бы не бедствуем.

— Не для вас. — Нимало не смущаясь того, что я еще в ночной рубашке, колдун прошел в спальню и поставил на подоконник какой-то пакет. — Решил Георгия побаловать.

Благодетель, блин! Ночью домового подкармливал, сегодня Жорику гостинцев принес. Еще пара дней, и мне какой-нибудь пряник перепадет.

— Георгий — мужчина взрослый, хватит ему червями да мухами перебиваться. — Он достал из пакета картонную коробочку и отодвинул с аквариума сетку. — Пора попробовать настоящей еды.

Встрянул коробку и за тоненькие хвостики вытащил из нее двух маленьких белых мышат.

— С ума сошли?! — закричала я, увидев, что он собирается бросить их на съедение жабу. — Не смейте!

— Он их реально сожрет? — полюбопытствовал Серый.

— И ты туда же? — Я стукнула его кулаком по колену. — Никого мой Жорик жрать не будет! Иди на кухню и принеси банку. Под мойкой стоят трехлитровые. А вы...

— Что я? — Колдун сдвинул очки на лоб и невинно залопал голубыми глазками. — Я же как лучше хотел.

Сережка принес банку, и под моим строгим взглядом темный аккуратно опустил в нее мышек.

Жорик обиженно квакнул.

— Спокойно, Георгий, я это предвидел. — Мужчина вытащил из пакета еще одну коробочку. — На сверчков ваша доброта, Анастасия, я надеюсь, не распространяется?

Я промолчала, и он запустил под сетку штук пять живых насекомых. Жаб алчно выпучил глаза, не зная, на которой из жертв сосредоточиться.

— А с ними что делать? — Серый потряс банкой с мышами.

— Сейчас тоже покормим, — решила я. — Хлебом, или сыром, или еще чем-нибудь.

— Это я тоже предвидел, — вздохнул темный, раскрыл свой волшебный пакет и протянул мне упаковку корма для мелких грызунов. — Сами, кстати, перекусите, и поедем. Я уже поел... Если это кого-нибудь волнует.

— Куда поедем? — насторожился Сережка.

— К вам домой. Хочу взглянуть на вещи, которые вы привезли с буровой. Заодно маму успокоите. Скажете, что уезжаете с девушкой на море недели на две. По-моему, достоверное объяснение предстоящего отсутствия.

Серый ответил благодарным взглядом. Колдун пожал плечами:

— Да, я милый и добрый. Бываю. Но не стоит злоупотреблять моей добротой.

Я сделала нам с Сережей бутерброды, заварила чай в пакетиках. Темный вызвал такси.

— Вы не нервничайте, но на лавочке у подъезда сидит вчерашний охотник. Правда, сегодня без кола.

— Сидит? — растерялась я. — А мы просто так выйдем?

— День на улице. — Мужчина пожал плечами. — Дети, дамы с собачками. Вряд ли он кинется убивать вашего приятеля.

— Да я его сам сейчас убивать буду! — сжал кулаки Сережка, когда, выйдя на улицу, рассмотрел своего несостоявшегося убийцу при свете дня.

На скамеечке скромно сидел парнишка лет двадцати, в шортах и клетчатой рубашке. Безволосая голова-яйцо,

бледное личико, тощие плечи. На шее — шина-воротник, видать, здорово ему вчера прилетело.

— Не нужно, — придержал Серого колдун. Но, проходя мимо светлого, не сдержался: — Присылают стажеров с неокрепшими костями, а меня пусть совесть мучает, да? — обронил он, не глядя на парня.

Тот непроизвольно коснулся гипсового ошейника.

— Мы все равно доберемся до вместилища, — негромко произнес парень нам вслед.

Темный сбился с шага, но тут же двинулся дальше, к ожидавшей нас машине. Распахнул заднюю дверцу для нас с Сережкой, а сам устроился рядом с водителем.

— О каком вместилище он говорил? — спросил Сергей.

— Понятия не имею. Видимо, я слишком сильно его ударил.

Наверняка врал.

У дома Серого тоже дежурил светлый. Наш сопровождающий указал на высокого старика с окладистой белой бородой, выгуливавшего жирную таксу. Тот и не таился: поклонился, приподняв над головой соломенную шляпу, и ощупал Сережку недобрый взглядом.

— По лестнице пойдём, чтобы без сюрпризов. — Темный первым вошел в подъезд.

Я не заметила, откуда в его руке появился пистолет, но сразу поняла, что это точно не зажигалка.

Он так и шел до седьмого этажа, словно герой голливудского боевика, держа оружие наготове и вслушиваясь в каждый звук. Позволил себе расслабиться, лишь когда тетя Вера открыла дверь и мы оказались в прихожей Линкевичей.

— Мам, тут такое дело, — слишком бодро начал Сережка, и заметивший тревожный взгляд его матери колдун перехватил инициативу:

— Здравствуйте. Вы мама? Сергей о вас много рассказывал.

— Да? — растерялась женщина.

— Конечно же нет, — тут же огородил ее темный. — Но так принято говорить при знакомстве. А вы должны ответить, что тоже слышали обо мне много хорошего. И кому

какое дело, что ваш сын сам меня не знал до вчерашнего дня?

До чего же обаятельный, гад! Теть Вера уже расслабилась, улыбается.

— Я Настин дядя, — продолжал напропалую врать колдун. — Заскочил к племяшке проездом, тогда и познакомились. Вы уж простите, что я его на ночь задержал. Настюха, она, конечно, умница, но в мужской компании время коротать веселей. Футбол посмотрели, выпили по рюмочке. Честно, по рюмочке, не больше. Видите, с утра оба, как огурчики. Особенно Серега — зеленый и в пупырышках. Поражаюсь этой молодежи: у моря живут, а моря и солнца не видят.

— Какое море?! — замахала руками женщина. — Он и из дому-то не выходит. Спасибо Настеньке, вчера хоть погулять вывела.

— Настеньку бы кто почаще выводил, — вздохнул в ответ «дядя». — Но у меня есть предложение по этому поводу. Я ведь на море приехал, думал с семьей отдохнуть, путевку в пансионат взял на две недели. А жену с работы не отпустили. Что ж теперь, пропадать добру? Решил молодежи подарок сделать, пусть отдохнут. Может, и вы захотите поехать. Место хорошее, тихое. В прошлом году там же отдыхали, жене очень понравилось.

Переиграл все-таки! Сейчас как согласится...

— Мама не может, — промямлил Серый. — Я же говорил.

— Да, у меня уколы в поликлинике, — с сожалением вымолвила Вероника Николаевна, — пропускать нельзя. А ребята пускай едут! Чего в этом городе сидеть?

— Талант, — усмехнулся Сережка, когда мы оказались в его комнате. Тетя Вера благословила нас на морской отдых и умчалась на кухню собрать чего-нибудь на дорожку. — Я сам почти поверил, что на пляже две недели проваляюсь.

— Еще и жену какую-то сочинил, — прибавила я.

— Почему сочинил? — серьезно поинтересовался темный. — Я что, не человек? У меня, что, и жены быть не может?

— Конечно может, — смерил его оценивающим взглядом Серый. — И жена, и девушка, которую ты на лимузинах катаешь.